

САД В ШАРМЕТТАХ

Любезный сердцу сад, где все манит к покою,
Отрада лучших дней, дарованных судьбою,
Уединения, невинности приют,
Когда б я только мог навек остаться тут!

О, сладостные дни в твоей прохладной сени!
Здесь вняты в щебете мне Филомелы * пени,
Здесь ласково ручей лепечет на бегу,
Цветы, чаруя взор, пестреют на лугу.
Я познавать учусь здесь жизни наслажденья:
Я размышлять учусь без зла, без сожаленья
О тех, чья жизнь бежит чредою шумных дней,
И зависти давно уж нет в душе моей.

Нет, в прелестях иных я вижу жизни сладость,
Несущих чистую, пленительную радость,
Всегда чарующих, желанных для меня:
При первом свете ли родившегося дня
Спешу увидеть я, как солнце за холмами,
Вставая, золотит вершины их лучами,
Иль в жаркий день, его усердием гоним,
Прохлады я ищу под деревом густым,
И здесь, с собою взяв Монтеня * с Лабрюером *,
Смеюсь над суетой, их увлечен примером;
Или Сократ со мной, божественный Платон,
И шествую путем, которым шел Катон;
Иль ночь сверкающий покров свой расстилает
И взору моему светила открывает,
И, созерцая их с Лагиром *, с Кассини *,
Я к бесконечности приближен, как они,
О Фонтенелевых «Беседах» размышляю *
И множеством миров пространство населяю;
Или, застигнутый грозою, я бегу
И, встретив пастуха со стадом на лугу,
Его растерянность пред бурей успокою
Под ветра свист, и гром, и блеск над головою —
Равно я участью довольствуюсь своей
И счастья не могу желать себе полней.

О мудрая Варанс, Минервы ученица!
Восторга пылкого порыв мне пусть простится,
Коль обещанье дав вовек не рифмовать,
Я вашу доброту дерзаю воспевать!
Да, если счастлив я блаженною судьбою,
И к добродетели иду прямой стезею,
И отдыха вкусил, бродя по сим местам,
Я этим всем, Варанс, обязан только вам.
О, сколько низких душ, сердец продажных, черных *
В советах злых своих, хоть с виду благотворных,
Пытались тщетно вам сомнения внушить
И благосклонности навек меня лишить.
Ведь недоступно им святое наслаждение
Творить добро, дарить несчастным утешенье,
Блаженство всем нести и слезы осушать —
Им ваших радостей высоких не понять!
Над щедрою душой Траяна * или Тита *
Лишь насмеются они, глумясь открыто:
«К чему творить добро в презренный этот век?
Достоен ли один хотя бы человек
Средь тех, кто прозябать определен судьбою,
Быть вознесенным вдруг над бедняков толпою?

Не лучше ли, чем дань нам доброте платить,
На наслаждения богатство обратить?»
Вольно ж им следовать за чувством столь презренным!
Не я к ним обращаюсь просителем смиренным,
Не я пойду молить и лестью докучать —
Невзгоды я привык с достоинством встречать
И, к чести боле их чувствителен душою,
Защитника ищу со строгостью большою.
Да, пыне я обет торжественный даю —
Сей стих пусть подтвердит всю искренность мою.
Коль ваших рок меня лишит благодеяний
И вновь я побреду дорогою страданий,
Меня не приведут под кров их никогда
Ни беды тяжкие, ни горькая нужда.
О, злых завистников оставьте без вниманья!
Как не страшиться им невинности сиянья?
Вы сохраните мир в душе, равно презрев
Их козни, клевету, их ненависть и гнев.
Своей же ярости став жалкою забавой,
Они поят ее змеиною отравой,
Но в души черные судьба в отмщенье зла
Вслед преступлению терзания внесла.
Они, что злобою своей осе подобны,
И так же, как она, трудиться не способны,
И так же, как она, хищением живут,
И так же, зло творя, тем смерть свою зовут, —
Они вам не страшны, угрозы их напрасны —
Их гнев и желчь для вас, поверьте, не опасны!
Ведь в помыслах своих всегда король велик:
И зависть низкая, и яростный их крик
Его высокого не достигают трона —
Он, как всегда, на вас взирает благосклонно!
Пусть чудище царит во мраке их сердец —
Им не затмить добра сияющий венец!
Тот из земных царей, любезней всех народу,
Кто от невинности смог отвратить невзгodu:
Пусть в обузданье зла для кары и угроз
Он громов властелин и повелитель гроз,
Но громами разя порок и преступленья,
Царь не достиг еще над смертным возвышенья, —
Лишь тот, кто смертным стать счастливее помог,
В величии своем — сошедший с неба бог.
Не ты ль, о мудрый Карл, искусством сим владеешь? *
Ты щедрою рукой повсюду счастье сеешь,
Ты справедливость чтишь в правлении страной,
И подданные все равны перед тобой.

Они не требуют из прихоти опасной
Несправедливости той гнусной и ужасной,
Что, общество лишив его исконных прав
И лучшие его обычаи поправ,
Святые узы рвет, все связи разрушая,
И высших общество потребностей лишая,
У тех грозит отнять спасительный закон,
Кто обществом щедрей правами наделен.
Когда бы ты мечтал о славе лишь военной,
О том, чтоб угрожать трепещущей вселенной,
О, кто б из королей сравниться мог с тобой?
Европе не забыть: ведя знамена в бой,
Непобедимый, ты блистал на поле брани!
Но мало для тебя кровавой Марсу дани —
Есть выше доблести тщеславных сих забот.
Великий мой король! За них-то твой народ
Всегда тебя своим заступником считает
И верно за отца родного почитает.
Вам, мудрая Варанс, защитой сей герой,
Кто ж в силах повредить вам тайной клеветой?
Презрите яд ее и тщетные усилия —
Ведь добродетель вам защитой от насилья!
Дань уважения король дарует вам,
Он никогда своим не изменит словам,
И ваше сердце, где вся верность воплотилась,
Подсказывает вам, что по заслугам милость!
Кто музу упрекнет суровую мою?
Я вдохновение свое не продаю.
Не оскверняет лесть и грубость восхвалений
Священной истины в строках моих творений.
А вам, чья доброта тщеславия чужда,
Претили пошлые хваления всегда.
Да, спорить с вашими врагами здесь не стану,
И вашей мудрости нельзя быть без изъяну:
Увы, на сей земле предел нам жалкий дан,
И совершенство здесь — ошибка иль обман.
Знать слабости свои — важнее нет желанья,
Я безупречному не подарю вниманья,
Нам ненависть совет полезный может дать:
Тогда придется вам, судя себя, признать,
Что ваша доброта слепа и легионерна,
А снисходительность порою чрезмерна.
Она в глазах врагов причина ваших бед,
Но мудрость высшая вам тайный даст ответ,
Что ложных их заслуг ей список ненавистен,
А слабость доброты дороже многих истин,

Что тот в ее глазах правее во сто крат,
Кто в прегрешении подобном виноват.
Вы с детства душу мне согрели просвещеньем
И к добродетели зажгли святым влеченьем,
Вы верили, что я талантом награжден,
Хотя я был, увы, в ничтожестве рожден;
Коль нежным словом «мать» я называть вас смею,
То с благодарностью примите вы мою
И выражение сих искренних похвал —
Заслуженную дань я истине воздал!
Да, если жизнь моя улыбкою согрета
И зависти во мне к чужим успехам нету,
Чувствительней душа, возвышенней мой ум,
И от обыденных поднялся ныне дум,
И если мне теперь для счастья мало надо
И я в своей душе всегда найду награду,
То с Высшим существом к общенью устремив
Ее восторженный возвышенный порыв,
То проводя часы в спокойных размышленьях
О радостях людей, их бедах, заблужденьях;
То думы обратив к законам бытия,
Когда их тайный смысл вдруг постигаю я,
Стараясь разгадать начала и причины,
Извечную их связь и скрытые пружины, —
Да, если прочных благ отрада мне дана,
В том, мудрая Варанс, причиной вы одна!
Здесь дни мои текут без страха, без страданий,
Без тягостных тревог, без суетных желаний.
О, почему в душе растроганной моей
Нет слов, чтоб выразить перо могло верней,
Сколь ныне счастлив я в кругу сих наслаждений,
Сколь полов горестных о прошлом сожалений,
О том, что не вернуть, увы, погибших дней
Среди пустых забот, бессмысленных затей!
Бесценные часы я больше не теряю:
В прекрасном сем саду я время заполняю,
То на высокий лад настраивая ум
И с трепетом следя течение мудрых дум
В беседах с Лейбницем, Мальбраншем и Ньютопом, —
Я с ними познаю под деревом зеленым
Закон движенья тел и мышленья закон,
А с Локком путь идей, что открывает он;
То вслед за Кеплером, Рейно *, Барро *, Паскалем,
Я, древних обогнав, иду за Лопиталем *,
То проникая в суть физических проблем,
Внезапно увлекусь величием систем,

С волнением слежу Декарта рассужденья,
В которых мудро все и даже заблужденья.
Оставив наконец гипотез тщетных ряд,
К естествознанию свой обращаю взгляд —
Здесь Плиний с Ньювенти * мне помогают знаньем
И учат размышлять, на мир глядеть с вниманьем;
А иногда, от сих премудростей устав,
Я изучаю жизнь и смертных розный нрав,
Или знакомые, смеясь, читаю строки —
Сетос * и Телемах * мне вновь дают уроки,
Иль «Кливленда» * прочтя любимые места,
Натуру, что всегда прекрасна и чиста,
Я созерцаю въявь растроганной душою;
Записки Спона * здесь листаю я порою,
Вдруг на опасностях задерживая взгляд,
Что родине моей невзгодами грозят.
О родина моя, о мудрая Женева!
Какой злой дух в тебя вселил безумье гнева?
О, вспомни, ведь не раз тобой рожден герой,
Чьей кровью куплен был твой сладостный покой.
Слепые граждане, вас ярость обуяла! *
Ужель для вас теперь желанным рабство стало?
Увы, его обрести немудрено ничуть.
Но время есть еще — обдумайте свой путь!
Пусть в древних сих стенах согласие водворится
И милостями вновь народ ваш насладится,
Какие щедро вам Людовик даровал.
Когда б урок отцов никто не забывал,
И каждый вновь обрел утраченную веру,
И вновь свободным стал, их следуя примеру!
Клавиль * и Сент-Обен *, Плутарх и Мезере *,
Роллен * и Цицерон, Поп *, Буало, Баркле *,
Гораций и Ламот *, и ты, Расин мой нежный,
Вам посвятил досуг читатель ваш прилежный.
И ты, Вольтер, всегда люб сердцу моему!
Но тот, кто хочет дать забаву лишь уму,
Не привлечет мой вкус, напрасны все заботы:
Блестящий острый слог, цветисты обороты
Обманут только ум, но сердца строг закон —
Оно отвергнет все, чем я не умилен.

Так, без тревог, здесь дни проходят вслед за днями;
И если взор мой вдруг застелется слезами,
Причиною тому не будут никогда
Терзания мои и горькая беда.
Нет, ни страдания, ни страх, ни униженья
Не уготовят мне позора пораженья,

И гордый стойкостью, как в рабстве Эпиктет *,
Учусь я выше быть моих жестоких бед.
Нет, бедность и болезнь мой дух не надломили —
Без страха и тоски я мыслю о могиле,
И муки тяжкие для тела моего
Лишь добродетели готовят торжество.

после слов «кто это сделает» попала сюда по ошибке вместо предыдущего отрывка.

Стр. 299. *Весь хор, звуча в форме рондо...*— Во второй редакции (хор *Dieu puissant écarte du trône*, д. I, сц. 3) в распределение партий соло и хора здесь внесены изменения, во многом совпадающие с пожеланиями Руссо.

...хор был силлабическим.— Силлабической называется вокальная мелодия, в которой на каждый слог текста приходится по одному музыкальному звуку.

Речитатив Nume eterno...— Во второй редакции ему соответствует речитатив *Immortel Apollon* (д. I, сц. 4), гармония которого несколько упрощена.

Танцевальная мелодия на стр. 17.— Во французской редакции перенесена во II картину I действия; см. «Пантомима для жертвоприношения» (*Pantomime pour le sacrifice*) после речитатива Альцесты, о котором говорилось в предыдущем отрывке.

...я высказал свое мнение о балетных номерах...— См. статью «Опера», стр. 283—284. Глюк предъявлял к балету такие же требования драматической выразительности, как и Руссо, но, в отличие от него, считал необходимым сохранить балет в качестве составной части оперы, что соответствовало стремлению Глюка приблизить оперу к античной трагедии.

Стр. 300. *...мне хотелось бы слышать в аккомпанементе только бас.*— См. прим. к стр. 295.

Хор на стр. 22 — перенесен во вторую редакцию без существенных изменений (двойной хор *O malheureux Admète!* д. I, сц. 2).

Popoli di Tessaglia — речитатив Альцесты. Во французской редакции в измененном виде — речитатив *Sujets du roi* (клавесинное сопровождение заменено оркестровым).

М. Г. ХАРЛАП

ПОЭЗИЯ

САД В ШАРМЕТТАХ

В конце лета 1736 г. Руссо вместе с г-жой де Варанс поселился в Шарметтах, близ Шамбери. Он был тогда болен и нуждался в лечении. Период жизни в Шарметтах Руссо впоследствии вспоминал как «краткую пору счастья». «В этом волшебном уголке,— писал Руссо в «Исповеди»,— я провел два или три лучших летних месяца, стараясь определить свои умственные интересы. Я наслаждался радостями жизни, цену которым так хорошо знал, обществом, столь же непринужденным, сколь и приятным,— если только можно назвать обществом наш тесный союз,— и теми прекрасными знаниями, к приобретению которых я стремился; для меня стремление это было как бы уже обладанием или даже чем-то

еще большим, и удовольствие от учения много способствовало моему счастью».

«Сад в Шарметтах» впервые был напечатан в 1739 г. отдельным изданием. На титульном листе был обозначен Лондон, в действительности же издание осуществлено в Аннеси или Шамбери. На русский язык переводится впервые.

Стр. 303. *Филомела* — дочь афинского царя Пандиона; в поэтическом языке XVIII в. Филомела — синоним соловья. Миф о Филомеле излагается в «Метаморфозах» Овидия (см. VI кн.).

Стр. 304. *Монтень*. — Об отношении Руссо к Монтеню см. примечание к стр. 47.

Лабрюер Жан (1645—1696) — французский писатель, автор книги «Характеры или нравы нашего века», дающий яркую картину французского общества конца XVII в.

Лагир Филипп де (1640—1718) — французский астроном и геометр.

Кассини Жан-Доминик (1625—1712) — французский астроном, автор книги «Основы астрономии и астрономические таблицы» (1742).

О Фонтенелевых «Беседах» размышляю... — Имеются в виду «Беседы о множественности миров» — сочинение французского писателя Фонтенеля (см. примечание к стр. 54).

О, сколько низких душ, сердец продажных, черных... — Намек на Винценрида, нового слугу г-жи Варанс, стремившегося в ее глазах очернить Руссо.

Траян — римский император (98—117).

Тит — римский император (79—81).

Стр. 305. *Не ты ль, о мудрый Карл, искусством сим владеешь?* — Имеется в виду король Сардинии и Савойи — Карл-Эммануил III (1730—1783).

Стр. 307. *Рейно Теофиль* (1583—1663) — итальянский историк и теолог.

Барро Исаак (1630—1677) — английский геометр, профессор математики Кембриджского университета, учитель Ньютона. Наиболее известно его сочинение «Лекции по оптике и геометрии» (1674).

Лопиталь Гильом-Франсуа-Антуан (1661—1704) — французский геометр, автор сочинения «Анализ бесконечно малых» (1696).

Стр. 308. *Ньювенти Бернар* (1654—1718) — голландский математик и врач. Оставил ряд сочинений по математике, но наибольшей известностью пользовался его трактат «Существование бога, доказанное при помощи чудесных явлений природы». Это сочинение было переведено на французский язык в 1725 г.

Сетос. — Имеется в виду роман аббата Жана Террасона «Сетос, история, взятая из неизданных памятников древнего Египта» (1731), представляющий собой подражание роману Фенелона «Приключения Телемаха».

Телемах. — Имеется в виду роман французского писателя Фенелона «Приключения Телемаха, сына Улисса» (1699).

Кливленд.— Имеется в виду роман французского писателя Прево «История Кливленда» (1731). Руссо писал в «Исповеди»: «Вымышленные несчастья Кливленда, о которых я читал с неистовым волнением, хотя мне часто приходилось откладывать книгу, испортили, мне кажется, больше крови, чем мои собственные бедствия».

Стр. 308. *Спон Яков* (1647—1685) — французский историк. Руссо имеет в виду его книгу «История Женевской республики» (1680).

Слепые граждане, вас ярость обуяла! — Начиная с 1734 г. в Женеве происходили волнения. Они снова усилились в 1737 г. В дело вмешался граф Лотрек, представитель французского короля в Женеве, и вместе с представителями Цюриха и Берна внес предложения, которые должны были урегулировать отношения между горожанами и магистратом.

Клавиль.— Имеется в виду французский моралист Леметр де Клавиль (1670—1740). Главное его сочинение «Трактат о истинной ценности человека» (1734).

Сент-Обен.— Маркиз де *Сент-Обен*, известный больше под именем Лежандра (1688—1746) — французский историк, автор сочинения «Трактат о мнении, или Записки по истории человеческого ума» (1735).

Мезере Франц (1610—1683) — французский историк, автор трехтомной истории Франции.

Роллен.— См. примечание к стр. 49.

Поп Александр (1688—1744) — английский поэт и философ, автор поэмы «Опыт о человеке».

Баркле Жан (1582—1621) — английский писатель. Наиболее известные его романы «Эвформо, или Сатирикон», направленный против иезуитов, и «Арженис», где дается сатирическое изображение придворной жизни. Этот роман был переведен на все европейские языки.

Ламот.— Имеется в виду Ламот-Лавейе (1588—1672) — французский философ и писатель, последователь скептицизма Монтеня.

Стр. 309. *И гордый стойкостью, как в рабстве Эпиктет.*— *Эпиктет* (ок. 50 г.— ок. 138 г.) — римский философ, один из ярких представителей стоицизма. Уроженец Фригии, Эпиктет в качестве раба был переведен в Рим, где принадлежал одному из телохранителей Нерона. Впоследствии Эпиктет был отпущен на свободу и посвятил себя философской деятельности.

ПОСЛАНИЕ Г-НУ БОРДУ

Шарль Борд (1711—1781) — французский поэт и литератор. Написал трагедию «Бланш Бурбонская», которая имела успех в кружке его друзей. С 1745 г. Борд — член Лионской академии. Руссо познакомился с Бордом во время своих наездов в Лион. «Послание к Борду» возникло в связи с посещением Руссо Лиона в 1741 г. Оно было издано впервые в 1743 г. в мартовском номере «Исторического журнала», известного больше под названием «Журнала Вердена».